

УДК 81.139

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-51-57

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАК ОБЪЕКТ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© Евгения Двинова

NATIONALLY SPECIFIC VOCABULARY IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW AS A UNIT OF CONTRASTIVE ANALYSIS AND LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATION

Evgeniia Dvinova

The article tackles nationally specific vocabulary and its place in the linguistic worldview. Our research is aimed at a linguistic and cultural analysis of words, whose semantics shows peculiarities of different ethnicities' worldview. The study material is based on data from different dictionaries and our personal observations. As part of the study, we consider three word groups. The first group includes particular words designating specific concepts, the second group – non-specific concepts, the third group – abstract nouns. Contrastive linguistics is focused on cultural and linguistic peculiarities of the language, as their understanding is essential for intercultural communication. By identifying common and different linguistic features, which is the foundation of the contrastive analysis, graduate students gain insight not only into the Russian language, but also into peculiarities of their mother tongue. Besides, by pinpointing language similarities they understand the affinity of different cultures. Using this approach, we enhance students' theoretical knowledge and practical skills of the Russian language. The experience, gained in the analysis of specific and abstract words, is also invaluable in translation practices, wherein an incorrect search for an equivalent in another language can bring in pseudo-correlates.

Keywords: contrastive linguistics, linguistic and cultural analysis, nationally specific vocabulary, pseudo-correlate, linguistic worldview

В статье рассматривается национально-специфическая лексика и ее место в языковой картине мира. Целью исследования является лингвокультурологический анализ слов, в семантике которых отражаются особенности видения окружающего мира представителями разных национальностей. Материалом для работы послужили данные различных словарей и личные наблюдения автора. В ходе исследования были рассмотрены три группы слов: в первую входят конкретные слова, обозначающие специфические концепты, во вторую – неспецифические, а в третью – абстрактные существительные. Особое внимание в курсе контрастивной лингвистики уделяется проблемам национально-культурной специфики языка, без понимания которой невозможна межкультурная коммуникация. Выявление общего и различного, на котором строится контрастивный анализ, позволяет магистрантам не только проникнуть в тайны русского языка, но и задуматься над особенностями своего родного языка. Кроме того, нахождение сходств приводит к пониманию общности культур разных стран. В рамках данного подхода углубляются как теоретические знания, так и совершенствуются практические навыки владения русским языком. Бесценен приобретенный опыт анализа конкретных и абстрактных слов и в переводческой деятельности, в процессе которой некорректный поиск соответствия в другом языке может привести к появлению псевдокоррелятов.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, лингвокультурологический анализ, национально-специфическая лексика, псевдокорреляты, языковая картина мира

Для цитирования: Двинова Е. О. Национально-специфическая лексика в языковой картине мира как объект контрастивного анализа и лексикографической интерпретации // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №2 (72). С. 51–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-51-57

Программа «Профессиональная коммуникация в международном деловом сотрудничестве» в рамках модуля «Межъязыковая и межкультурная коммуникация» предлагает магистрантам

курс по контрастивной лингвистике, в котором рассматривается языковая картина не только изучаемого иностранного языка (русского), но и своего родного.

Несмотря на то, что, с одной стороны, контрастивная лингвистика относительно новое научное направление, а с другой – тесно соприкасающееся с традиционными – сравнительно-историческим и типологическим, самостоятельный статус контрастивной лингвистики сегодня не вызывает сомнений, подтверждением чего является создание научных школ, ярким представителем которой является И. А. Стернин и его ученики (М. А. Стернина, А. В. Рузакова, Е. В. Макланова, М. А. Соломатина, Е. Ю. Ковалев, А. В. Книга и т. д.). Как справедливо полагает И. А. Стернин, контрастивная лингвистика имеет свою определенную цель – «сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий» [1, с. 24], свой метод, теоретическую и практическую значимость как в области методики преподавания иностранных языков, так и перевода. Контрастивный анализ основан на сопоставлении единиц двух языков для выявления различий.

Чтобы прийти к осознанию специфики контрастивной лингвистики как науки, магистранты прежде всего должны понять разницу между сравнительно-историческим и типологическим исследованиями, тем более что вопросы типологии не могут не затрагиваться в данном курсе при рассмотрении универсальных понятий, присутствующих во всех языках. «Типология вскрывает законы предугадываемых явлений (implication), которые лежат в основе фонологической и, по видимому, морфологической структуры языков: наличие А подразумевает наличие (или, наоборот, отсутствие) Б» [2, с. 99]. Работа Р. О. Якобсона «Типологические исследования и их вклад в языкознание» открыла новые перспективы и для изучения лексической семантики, в русле которой поиск общего (универсального) и отличного должен натолкнуть иностранцев на размышления о национально-культурном своеобразии слова.

Таким образом, актуальность курса «Контрастивная лингвистика» определяется тем, что современная межкультурная коммуникация невозможна без понимания сходств и различий, которые определяют национально-культурную специфику каждого языка и являются основополагающими при сопоставлении языков. Аксиоматичность этого положения не исключает рассмотрения того, какое значение придается тому или иному понятию. Как отмечает Л. М. Малых, в контрастивной лингвистике в зависимости от цели исследований существует несколько на-

правлений: а) устанавливаются различия между исследуемыми языками, б) в равной степени изучаются сходства и различия, в) выявляются в первую очередь сходства, г) анализируются общие закономерности на основе сходств и различий [3, с. 44].

Не абсолютизируя ни один из подходов, можно отметить, что, хотя в контрастивных исследованиях в зависимости от выбранного ракурса на первое место выходят или сходства, или различия, они имплицитно подразумевают друг друга.

Сенсорно-рецептивный компонент языкового сознания вычленяет различия намного быстрее, нежели сходства, которые лежат на поверхности, тем не менее поиск общего в языках и культурах необходим для осмысления тех понятий, которые носителю языка кажутся очевидными. «Понятия, наиболее насущные, оказываются наименее доступны для понимания, самое известное – самым таинственным» [4, с. 9–10]. Необходимо отметить, что этот процесс весьма сложен для магистрантов-инофонов, так как каждый из них, считая свой язык уникальным, затрудняется в поиске похожего, сходного в других языках.

Картина мира, складывающаяся в процессе его освоения, в полной мере отражает особенности менталитета человека, сознание которого «пропускает» через себя всё увиденное и услышанное. «Концепция „картина мира“ предполагает, прежде всего, когнитивное содержание – информацию о способе познания людьми окружающего мира» [5, с. 35], поэтому данное понятие широко используется в философии, психологии, культурологии и, конечно, в контрастивной лингвистике.

Лексические единицы любого языка, в семантике которых преломляется окружающий мир, и придают своеобразие национальной языковой картине. Причем своеобразием отличаются и конкретные слова, обозначающие специфические концепты, и неспецифические – с разными прототипами, и абстрактные. В терминологии О. А. Корнилова это лексика групп А1, А2 и Б соответственно [6, с. 148–149]. При первичном предъявлении слов первой группы именно они кажутся иностранцам самыми трудными для понимания в силу специфичности самих реалий, например, *балалайка, баранка, лапти, изба, терем, крошка* и т. д. Но, как отмечает О. А. Корнилов, их специфика определяется экстралингвистическими факторами, рассмотрение которых в полном объеме и приведет к осознанию значения слова [Там же, с. 146]. Знакомство иностранцев со словом начинается с обращения к словарю. К сожалению, как показывает практика, сегодня первым лексикографическим источником у иностранцев,

изучающих русский язык, будет электронный переводной словарь. Но и обычный толковый словарь тоже не может раскрыть специфики слова в силу лимитируемости семантических компонентов его структуры и неориентированности на отражение национально-культурных компонентов.

В «Большом лингвострановедческом словаре» словарная статья включает в себя толкование, например, *баранка* – «традиционное русское хлебобулочное изделие из пшеничной муки в форме кольца» [7]. Кроме того, дается этимологический комментарий – слово произошло от глагола *обварить*, далее перечисляются виды этого изделия, указываются отличия баранок от сушек и бубликов. Весьма ценным для понимания значения является и визуальная «поддержка» в виде фотографий. Хотя такие слова не имеют соответствий в других языках, это не значит, что они недоступны для понимания носителями других языков. Сложность заключается в когнитивных способностях человека, в его желании глубоко изучить экстралингвистическую информацию.

Если в группу A1 входят слова, обозначающие специфические концепты, которых нет в другом языке, то в группу A2 – слова, называющие неспецифические, в какой-то степени универсальные концепты, например, *чай, чашка, печь, земля, лес, трава* и т. д. Китайские магистранты на вопрос, с каким цветом ассоциируется у них земля, называют желтый или коричневый. Как справедливо отмечает А. Вежбицкая, «Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная), и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зеленая)» [8, с. 233–234]. При рассмотрении слов этой группы у магистрантов создается иллюзия их «понятности», тем не менее даже такое простое и знакомое слово *чашка* в сознании носителей разных языков будет иметь разный прототип. А. Вежбицкая, описывая прототип «идеальной чашки», отмечает, что ее обязательными атрибутами являются ручка и блюдце [Там же, с. 217], и в то же время «...китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, без ручки и без блюдца, все-таки может считаться чашкой – пока из нее можно пить чай, в соответствующем окружении (на столе), пока ее можно поднести ко рту одной рукой» [Там же]. В представлении народов Средней Азии прототипическая чашка (пиала) также не имеет ручки. По справедливому замечанию О. А. Корнилова, в случаях, когда

речь идет о предметах материальной культуры, надо говорить не об универсальных прототипах, а «национально-специфических, существующих лишь в сознании и воображении представителей данной культуры и неизвестных представителям других культур» [6, с. 160]. Нельзя не отметить, что современное значение слова *чашка* при сохранении в структуре компонентов, отражающих форму предмета и основное предназначение «для питья», расширяется за счет сем, указывающих на другие функции: «для сервировки стола», «для хранения продуктов», «для еды». «Знание национально-специфических прототипов, общих для большинства языков концептов, – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединённого общим языковым сознанием» [Там же, с. 162].

Таким образом, универсальные концепты приобретают в разных языках национально-специфическую окраску, поэтому семантизация слов, имеющих разные прототипы, требует комментария и дополнительной визуализации.

Наиболее сложны для понимания абстрактные существительные как на этапе их первичного предъявления обучающимся, так и в процессе дальнейшего осмысления. В каждом языке есть слова, являющиеся «культурно-этническими доминантами» [9], семантика которых таинственна и загадочна, например, в японском языке *ваби-саби* – ‘красота несовершенства’; *саудаде* – ‘тоска по ушедшему, ностальгия по утраченному’ в португальском; *лагом* – ‘умеренность во всём’ в шведском; *арбайдеглед* – ‘радость от работы’ и *хюгге* – ‘чувство уюта и комфортного общения’ в датском; *сису* – ‘то, что должно быть сделано, будет сделано’ в финском языке.

Интересно отметить, что в последнее время в Интернете появились сайты, на которых количественно очерчивается круг слов, необходимых для понимания той или иной культуры. Например, в корейском языке это будут *нунчхи* – ‘наблюдательность, догадливость, умение догадываться о намерениях собеседника без слов’; *кибун* – ‘состояние внутреннего равновесия и гармонии с миром’; *чон* – ‘душевность, сердечность’; *хан* – ‘печаль, вызванная несправедливостью и несвободой’; *эгё* – ‘искусство быть по-детски милой’; *нудам* – ‘ощущение морального долга’. Интересна интерпретация слова *хан* писателем А. Кимом: «„Хан“ — это внутреннее состояние человека, которое включает в себя великое неосуществленное желание. Это надежда, которая всегда впереди, и в то же время — неутолимая тоска. Такое объединенное состояние печали и света» [10].

В китайском языке к таким словам можно отнести *цзянху* – ‘ментальное пространство свободы’, *юаньфэнь* – ‘предопределение’, *чабудо* – ‘равнодушие к результатам своей работы, и так сойдёт’, *сацзяо* – ‘поведение девушки, копирующей маленького ребёнка’. Конечно, таких слов в каждом языке значительно больше, тем не менее их количественное «ограничение» связано прежде всего с необходимостью акцентировать внимание на наиболее значимых для данной национальной языковой картины ключевых понятиях.

Данные лексические единицы сложны для понимания не только потому, что в структуре их значения есть национально-специфический компонент, но и потому, что человек начинает искать корреляты в своем родном языке, а это зачастую может привести его к псевдокоррелятам. В связи с этим встаёт вопрос, возможно ли объективное описание семантики таких слов. Что сложнее – объяснять значение лакуны или слова другого языка, семантика которого кажется похожей?

Прежде всего следует иметь в виду, что за такими словами скрывается определенный «сценарий», который разворачивается по мере раскрытия сущности того или иного концепта. Например, эмотивное корейское слово *хан*, подобное русской *тоске* и португальскому *саудаде*, вбирает в себя национально-исторический контекст, связанный с колонизацией Кореи Японией и нанесенной стране психологической и физической травмой, ощущением подавленности, несправедливости и несвободы, что приводит к душевным переживаниям каждого человека. Таким образом, *хан* вмещает в себя и печаль, и тоску по неосуществленному.

Обращение иностранцев к толковому словарю не позволяет «уловить» разницу в значении таких слов, как *грусть* – чувство и состояние печали, легкого уныния; *печаль* – чувство грусти, скорби; *тоска* – душевная тревога, уныние.

В «Толково-понятийном словаре» А. А. Шушкова слова *грусть*, *тоска*, *печаль* наряду со словами *уныние*, *депрессия*, *меланхолия* входят в группу «Чувство, которое испытывает грустный человек»:

«Грусть – это такое чувство, которое вы испытываете, когда произошло какое-либо неприятное событие и вы находитесь в плохом настроении»;

«Печаль – чувство душевной грусти, а также связанное с этим чувством подавленное, унылое настроение»;

«Тоска – неприятное чувство, которое испытывает человек, когда сожалеет о каком-либо плохом событии, которое уже случилось, или по-

стоянно думает о чем-либо неблагоприятном, что может случиться в будущем»;

«Уныние – подавленное настроение»;

«Депрессия – психическое расстройство, выражающееся в подавленном угнетенном состоянии и сопровождающееся нарушением аппетита, сна, иногда мыслями о самоубийстве»;

«Меланхолия – это психическое состояние, характеризующееся приступами раздражительности» [11, с. 143].

Интересным и полезным лексикографическим изданием является «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна, так как в нем представлена подробная информация о словах с учетом тончайших нюансов в их значениях, например, синонимы *тоска*, *уныние*, *печаль*, *грусть* различаются следующими смысловыми признаками:

1) «отношение человека к желаемому (субъект тоски и уныния, в отличие от субъекта грусти, склонен думать, что желаемое ему жизненно необходимо)»; 2) «связь чувства с особенностями характера человека (уныние в значительной степени обусловлено свойством личности, грусть может испытывать каждый)»; 3) «наличие или отсутствие у человека желания изменить ситуацию (оно налицо в случае тоски, но его нет при унынии)»; 4) «степень неприятности чувства (наибольшая в случае тоски, наименьшая в случае грусти)»; 5) «интенсивность, глубина и длительность чувств (тоска – интенсивное, длительное чувство; уныние – это не столько чувство, сколько общее состояние субъекта; грусть – относительно недлительное и неглубокое переживание)»; 6) «формы проявления чувства (уныние предполагает подавленность, апатию и бездеятельность, между тем как грусть предполагает лишь отсутствие оживления и никогда не препятствует нормальной деятельности субъекта)» [12]. Тоска, уныние, печаль и грусть свойственны только человеку. Данная словарная статья, предложенная магистрантам для анализа, нуждается в пояснениях.

В недавно вышедшем словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций» Л. Г. Бабенко эмотивная лексика представлена по таким параметрам, как денотативно-идеографический, когнитивно-дискурсивный, функционально-семантический, что позволило всесторонне охарактеризовать эмоции как состояние, отношение, становление состояния, воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество, человек как средоточие и носитель эмоций [13, с. 72].

Открывая словарную статью, читатель знакомится с типовой семантикой, например, чувство

легкого огорчения (*грусть*), тягостное ощущение от отсутствия интереса к чему-либо или делу (*скука*); *тоска* описывается как душевное томление, подавленное состояние, имеющее или не имеющее причины; утрата надежды, неверие в достижение желаемого [Там же].

В группу «Эмоциональное состояние» входят такие слова, как: *безнадежность, безрадостный, гнёт*, перен. *гнетущий*, перен., *грустить, грустно, грусть-тоска*, перен.-поэт, *депрессия, ипохондрия*, книжн., *мрак*, перен., *меланхолия, мрак, мрачный, пасмурно*, перен., *пессимизм, сплин*, устар., *тягомотина*, разг.-сниж. и т. д. В группу «Становление эмоционального состояния и отношения» – *взгрустнуть*, сов., разг, *загрустить*, сов., *мрачнеть, истосковаться, истерзаться*, сов., *пригорюниться*, сов., разг. и т. д.; в группу «Эмоциональное воздействие» – *безрадостный, гнетущий, грустный, давить, докучать* (разг.), *жалостливый*, разг., *заколебать*, разг.-сниж., *заунывный, мрачный, назойливый, наскучить, опостылеть*, разг., *печалить, подавлять* и т. д. В группу «Внешнее выражение эмоций» – *безрадостно, безутешно, горестно, горько, грустно, заунывный, кислый*, перен., неодобр., *меланхолический, мрачно, муторный* (разг.), *нахмуренный, неприветливый, нерадостный, нудный* (разг.), *печальный, пресный*, перен., разг., *скучный, смурной* (разг.), *унылый, хандрить*. Под рубрикой «Эмоциональная характеристика» помещены такие лексические единицы, как *апатичный, безнадежный, горестный, занудливый*, разг., *навязчивый, понурый, тягостный*, перен., *тяжелый*, перен. Слова *безнадежность, безрадостность, занудность, мрачность, пессимизм, придирчивость*, перен., *равнодушие, скептицизм* вошли в группу «Эмоциональное качество» [Там же, с. 72–77].

Как показывают эти примеры, в группы входят слова, сопровождаемые различными стилистическими пометами, что, безусловно, очень важно как для русскоговорящих, так и для иностранцев, так как позволит в дальнейшем избежать речевых ошибок. Важную роль для понимания такого явления, как многозначность, играет и помета, маркирующая переносное значение слова. Безусловно, знакомя иностранцев с данными группами слов, необходимо тщательно отбирать лексические единицы в соответствии с методической целесообразностью их «подачи» и уровнем владения языком.

В работе В. В. Колесова слова *грусть – тоска – печаль – скорбь – скука*, выражающие эмоции страдания, описываются в совокупности определенных признаков: типичных (1), глубинных (2), интенсивных (3) и длительных (4). Например,

для слова *грусть* это будут такие признаки, как горькая, тоскливая, глубокая, глухая, светлая, мрачная (2), безбрежная, безумная (3), бесконечная (4); для слова *тоска* – признаки горькая, душевная, сердечная, жгучая, смертная (1), глубокая, глухая, гнетущая, давящая, дикая, тяжелая, страшная и т. д. (2), безграничная, безмерная, безнадежная, безысходная, беспросветная, мучительная, невыносимая, неизбежная, томительная и т. д. (3); вечная (4) [14, с.6]

Такое описание семантики позволяет выявить «непохожесть» одного слова на другое при построении «ментальной матрицы» (в терминологии В. В. Колесова). На основе скрупулезно разработанной лексикографической характеристики слова можно переходить к контрастивному анализу.

При семантизации слов *грусть, тоска, печаль, скука* можно ориентироваться на их этимологию, но, как отмечает В. В. Колесов, данные «концепты имеют размытые этимологии, препятствующие установлению „зерна первосмысла“ – концептума» [Там же, с. 12]. Тем не менее, этимологический комментарий позволяет понять значение слова, исходя из первосмысла: *грусть* связана с глаголом *грызть* (мучить), *печаль* – с попечением, заботой, *тоска* – с беспокойством и стеснением духа, *скука* – с теснотой, надоедливостью. Выявление мотивационного признака значения, внутренней формы слова способствует и лучшему запоминанию его.

Интересны размышления над этими концептами в диссертационном исследовании Яо Жун. Рассматривая их в сопоставительном плане, автор предлагает «расшифровку» иероглифов, которая приведёт к пониманию сути концепта, например, иероглифы слова *тоска* (chou) имеют значение «осень» и «сердце» – в сердце (в душе) осень. С осенью связаны увядание природы, завершение жизненного цикла, поэтому данный концепт служит символом осени. Слово *скука* передается китайскими иероглифами ‘страдание’ и ‘скучно’. Внешняя часть второго иероглифа обозначает «дверь», а внутренняя – «сердце». Китайское слово *скука* не имеет полного эквивалента в русском языке, потому что объединяет два значения – «горько» и «скучно» [15, с. 85].

Так рождается яркий образ, помогающий проникнуть в глубину значения слова. Внутренняя форма слова является ярким примером того, что в названиях отражен значимый для данного языка мотивационный признак. В связи с этим можно предложить магистрантам самостоятельно провести этимологический анализ слов двух языков или на основе анализа, проведенного

преподавателем, обобщив результаты, сделать выводы.

Таким образом, в проведенном исследовании была рассмотрена национально-специфическая лексика как объект контрастивного анализа и лексикографического описания. Изучение и понимание особенностей национальной языковой картины мира невозможно без пристального внимания к лексической системе во всей ее изменчивости, подвижности и многогранности. В связи с этим представленные группы слов, обозначающие специфические и неспецифические концепты, а также выражающие абстрактные понятия, были проанализированы с достаточной полнотой, с учетом фоновых знаний, позволяющих выявить культурологическое своеобразие слова. Намеченные в исследовании подходы открывают новые возможности и перспективы, которые заключены в курсе контрастивной лингвистики.

Список источников

1. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с.
2. Якобсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в языкознание // Новое в лингвистике. Выпуск 3. М.: Прогресс, 1963. С. 95–105.
3. Малых Л. М. К проблеме статуса контрастивной лингвистики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 2 (2). С. 44–48.
4. Эпштейн М. Н. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.
5. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта воронежской школы сопоставительных исследований). Воронеж: РИТМ, 2019. 226 с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
7. Большой лингвострановедческий словарь. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. АСТ-Пресс, 2007. URL: <https://ruslingvostranovedcheskiy-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.04.2023)
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
9. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
10. Ким А. «Хан» живет в душе корейца // Коммерсантъ, 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1956681> (дата обращения: 28.04.2023)
11. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Хранитель. 2008. 988 с.

12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. URL: https://ruslang.ru/text_noss2_title (дата обращения: 15.04.2023)

13. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021. 432 с.

14. Колесов В. В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова. № 3. 2017. С. 5–13.

15. Яо Жун. Концепты скука, тоска, грусть, печаль в русском языковом сознании (на фоне китайских концептов негативных эмоций): дис. ... канд. филол. наук: Санкт-Петербург, 2021. URL: <https://dissert.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/454-yao-zhun.html> (дата обращения: 20.04.2023)

References

1. Sternin, I. A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive Linguistics. Problems of Theory and Research Methodology]. 288 p. Moscow, AST, Vostok-Zapad. (In Russian)
2. Jakobson, R. O. (1963). *Tipologicheskie issledovaniya i ikh vklad v yazykoznanie* [Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics]. *Novoe v lingvistike*. Vypusk 3, pp. 95–105. Moscow, Progress. (In Russian)
3. Malykh, L. M. (2009). *K probleme statusa kontrastivnoi lingvistiki* [Concerning the Problem of the Contrastive Linguistics Status]. *Vestnik Viat'skogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. Vyp. 2 (2), pp. 44–48. (In Russian)
4. Epstein, M. N. (2022). *Pervoponiatiya: Kliuchi k kul'turnomu kodu* [Primary Concepts: Keys to Cultural Code]. 720 p. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian)
5. Konopel'ko, I. P. (2019). *Sopostavitel'nyi analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta voronezhskoi shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy)* [Comparative Analysis in Language Research and Teaching (Based on Evidence of the Voronezh School of Comparative Research)]. 226 p. Voronezh, RITM. (In Russian)
6. Kornilov, O. A. (2011). *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic Worldviews as Derivatives of National Mindsets]. 350 p. Moscow, KDU. (In Russian)
7. *Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'* (2007) [Unabridged Linguistic and Cross-cultural Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina. AST-Press. URL: <https://ruslingvostranovedcheskiy-dict.slovaronline.com/> (accessed: 21.04.2023). (In Russian)
8. Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. 411 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)
9. Zaliznyak, Anna A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klichevyie idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. 540 p. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

10. Kim, A. (2012). *"Khan" zhivet v dushe koreitsa* ["Han" lives in Every Korean's Soul]. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1956681> (accessed: 28.04.2023). (In Russian)
11. Shushkov, A. A. (2008). *Tolkovo-poniatiinyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory and Conceptual Dictionary of the Russian Language]. 988 p. Moscow, AST, Astrel', Khranitel'. (In Russian)
12. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* (2004) [New Explanatory Dictionary of Synonyms in the Russian Language]. Pod red. akad. Yu. D. Apresiana. Moscow; Vienna, Yazyki slavianskoi kul'tury: Venskii slavisticheskii al'manakh. 1488 p. URL: https://ruslang.ru/text_noss2_title (accessed: 15.04.2023). (In Russian)
13. Babenko, L. G. (2021). *Alfavit emotsii: slovar'-tezaurus emotivnoi leksiki* [Emotion ABC: Thesaurus of Emotive Vocabulary]. 432 p. Ekaterinburg; Moscow, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)
14. Kolesov, V. V. (2017). *Grust'-toska v russkom yazykovom soznanii* ["The Wearies" in the Russian Linguistic Worldview]. *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 5–13. (In Russian)
15. Yao, Rong (2021). *Kontsepty skuka, toska, grust', pechal' v russkom yazykovom soznanii (na fone kitaiskikh kontseptov negativnykh emotsii): dis. ... kand. fi-lol. nauk* [The Concepts of Boredom, Yearn, Sadness, Sorrow in the Russian Language Consciousness (in Contrast to Chinese Concepts of Negative Emotions: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg. URL: <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/454-yao-zhun.html> (accessed: 20.04.2023). (In Russian)

The article was submitted on 03.06.2023

Поступила в редакцию 03.06.2023

Двинова Евгения Олеговна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
191086, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Мойки, 48.
deo1601@mail.ru

Dvinova Evgeniia Olegovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian State Pedagogical University named af-
ter A. I. Herzen,
48 Moika Embankment,
St. Petersburg, 191086, Russian Federation.
deo1601@mail.ru